

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-64-88

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РУСОФОБИИ (XV–XVII вв.)

Статья первая

С.В. Перевезенцев, докт. ист. наук, проф., проф. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

А.Б. Страхов, канд. полит. наук, спец. по УМР кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991**

Статья посвящена историческим истокам русофобии в Европе, которая начала формироваться в XV веке. В статье рассматривается сложность процессов зарождения русофобских настроений, выявляются их корни в долгосрочных исторических контактах между Русью и Западной Европой, изменениям в политической и религиозной сферах. Выявляется специфика русофобии, которая формировалась в разных западных странах. После монгольского нашествия и периода ордынского ига Русь утрачивала свои связи с Западной Европой, что при “переоткрытии” России способствовало формированию негативных стереотипов о русских. Кроме того, акцентируется внимание на последствиях политических событий, таких как Кревская уния и взаимоотношения между Москвой и Литвой (а позже и Польшей), которые углубили пропасть между Россией и Западной Европой. Сложная династическая и религиозная политика Литвы и Польши привела к дополнительным конфликтам с Россией, что формировало взгляды западных авторов на Россию сквозь призму экзистенциального русско-польского противостояния. С приходом европейских путешественников в Россию начали возникать негативные мифы о русских, такие как грубость, пьянство и “рабская природа” народа. Эти мифы часто основывались на поверхностном восприятии чужестранцами русской культуры и обычаев.

Ключевые слова: русофобия, социально-политическая мысль, духовно-политическая мысль, Россия, самодержавие.

* Перевезенцев Сергей Вячеславович, e-mail: serp1380@yandex.ru

** Страхов Александр Борисович, e-mail: falconian@yandex.ru

THE BIRTH OF EUROPEAN RUSSOPHOBIA (XV–XVII centuries)

The first article

Perevezentsev Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: serp1380@yandex.ru

Strakhov Alexander B., Candidate of Political Sciences, Specialist of Methodical Work of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: falconian@yandex.ru

The article is devoted to the historical origins of Russophobia in Europe, which began to form in the 15th century. The article examines the complexity of the processes of the emergence of Russophobic sentiments, reveals their roots in long-term historical contacts between Russia and Western Europe, changes in the political and religious spheres. The article reveals the specifics of Russophobia, which was formed in different Western countries. After the Mongol invasion and the period of the Horde yoke, Russia lost its ties with Western Europe, which during the “rediscovery” Russia has contributed to the formation of negative stereotypes about Russians. In addition, attention is focused on the consequences of political events such as the Union of Kreva and the relationship between Moscow and Lithuania (and later Poland), which deepened the gap between Russia and Western Europe. The complex dynastic and religious policies of Lithuania and Poland led to additional conflicts with Russia, which shaped the views of Western authors on Russia through the prism of the existential Russian-Polish confrontation. With the arrival of European travelers to Russia, negative myths about Russians began to arise, such as rudeness, drunkenness and the “slave nature” of the people. These myths were often based on the foreigners’ superficial perception of Russian culture and customs.

Key words: Russophobia, socio-political thought, spiritual and political thought, Russia, autocracy.

Рождение всякого исторического явления — процесс долгий и противоречивый, потому что в ходе самого процесса рождения возникают различные варианты развития этого явления, возможные пути и направления дальнейшего его становления. Столь же сложный и противоречивый путь прошло то явление, которое позднее назвали русофобией. Многочисленные исторические источники свидетельствуют, что к XVIII в. в сознании значительного числа европейских жителей уже сложился определенный — отрицательный — образ России, и любая попытка не то что разрушить или поколебать этот образ, но просто произнести или написать о

России какие-то хорошие слова вызывали у многих европейских слушателей, читателей и собеседников, в России, конечно, не бывавших, в лучшем случае, недоверие, а в худшем — страх перед Россией, перерастающий в ненависть. Но также известно, что первый яркий всплеск русофобии, даже не всплеск, а настоящий взрыв русофобских настроений в Европе пришелся на середину — вторую половину XVI в. Впрочем, началось все намного, примерно на столетие, раньше.

Практически с момента своего возникновения, т.е. в конце IX — начале X в. Русская земля или Русь, как именовали свое государство люди, жившие в нем в те времена, была включена в самый широкий круг международных отношений. Известия о русских князьях, купцах, о тех или иных событиях, происходящих на Руси, можно найти в многочисленных византийских, западноевропейских и арабских источниках того исторического периода. Так было и позднее: правители различных стран Запада и Востока в той или иной степени были включены в решение проблем на территории Русской земли, как, к примеру, польский король Болеслав решительно включился в конфликт детей Владимира Святославича в начале XI в., или как венгерский король Андрей и польский князь Лешко вмешались в политические перипетии Галицко-Волынской земли в первой половине XIII в. В свою очередь, русские князья принимали активное участие в политической жизни Западной Европы, Византийской империи и степных народов, прежде всего, половцев. С X в. известны многие дальние походы русов во главе с князьями Олегом, Игорем и Святославом, потом, в XI–XIII вв. — дружин различных русских князей в разные регионы Европы, иногда очень далекие от собственно русских земель. Так, в первой половине — середине XIII в. галицко-волынский князь Даниил Романович воевал в Венгрии, Чехии, Германии, Польше, Прибалтике. Тесными в XI–XIII вв. были и династические связи князей Рюриковичей с европейскими, византийскими и степными правителями. Эти и многие иные — экономические, торговые, культурные, религиозные и т. п. контакты и взаимовлияния свидетельствуют, что Русская земля в X–XIII вв. была одной из составных и важных частей всего европейско-азиатского мира того времени.

Все изменило монгольское нашествие в середине XIII в. и следовавшее за ним ордынское иго над русскими землями, продолжавшееся до конца XV в. Трагические последствия ордынского ига были разнообразны, отметим лишь некоторые. Одно из них: изменения

в политической области, ведь русские князья потеряли политическую самостоятельность, ибо верховными правителями считались ордынские ханы, которых с тех пор и до конца XV в. на Руси называли “царями”. В результате ордынского владычества произошла геополитическая катастрофа: русский мир оказался разорван на две части — Юго-Западную и Северо-Восточную Русь, — связи между которыми с каждым годом становились все тоньше и тоньше. Земли Юго-Западная Руси (Полоцкая, Минская, Смоленская, Галицко-Волынская, Киевская, Черниговская, Новгород-Северская и др.) все больше ориентировались на Запад и, в конце концов, уже в XIV в. оказалась под властью Литвы, Польши и, частично, Венгрии. И только Северо-Восточная и Северо-Западная Русь (Владимирская, Тверская, Московская, Рязанская, Новгородская и др. земли) еще сохраняли экономический и политический потенциал для борьбы за восстановление независимости и нового объединения русских земель.

В эти же годы, пытаясь воспользоваться бедственным положением Руси, усилили давление на ее границы и западные державы. Их агрессивные действия всячески поддерживала Римско-католическая церковь, которая надеялась подчинить русские княжества своему духовно-политическому влиянию. На северо-западе русским князьям удалось отразить несколько попыток католических орденов подчинить русские земли, и сохранить тем самым надежду на возрождение независимости Руси. Но галицко-волынский князь Даниил Романович был посвящен католическим епископом в королевский сан, однако никакой военной от западных стран не дождался, и был вынужден склонить голову перед монголами. А при потомках Даниила Романовича земли его княжества окончательно потеряли самостоятельность.

Результатом монгольского нашествия стал и новый раскол единой Русской митрополии. Уже в середине XIII в. началось соперничество галицких и владимирских князей за контроль над Русской митрополией. В 1303 г. галицкий князь Юрий Львович, внук Даниила Романовича Галицкого, смог уговорить константинопольского патриарха Афанасия и императора Андроника II Палеолога Старшего возвести Галицкую епископскую кафедру в степень митрополии под руководством митрополита Галицкого Нифонта (ум. 1307). С этого времени Киевская митрополия (хотя и располагавшаяся теперь не в Киеве, а во Владимире Залесском) именовалась митрополией Великой Руси, а Галицкая — митрополией Малой Руси. Именно отсюда берут начало впоследствии знаменитые историко-географические

и политические наименования — Великая Русь (Россия) и Малая Русь (Малороссия).

Все эти события, произошедшие в Русской земле, привели к тому, что в Западной Европе постепенно стали забывать о свободной и независимой Руси, существовавшей когда-то на Востоке В XIV–XV вв. Русь для западноевропейцев — это всего лишь некоторая часть Великого княжества Литовского, самого крупного в тот исторический период восточноевропейского государства, стеной вставшего между странами Западной Европы и северо-восточными русскими землями.

В данном случае, необходимо иметь в виду, что Литовское княжество с самого начала, с XIII в., складывалось как *литовско-русское* государство¹. Даже первым политическим центром Литовского государства стал русский город Полоцкой земли — Новогородок (ныне г. Новогрудок в Гродненской области Белоруссии). Великое княжество Литовское не попало под ордынское иго, и это стало важнейшей причиной быстрого возвышения Литовского государства. Подчинение русских княжеств литовским князьям не носило характера откровенного завоевания. Конечно, были военные конфликты, но эпизодические и небольшие. В то же время ряд княжеств Западной и Южной Руси подчинились литовским князьям без сопротивления. Западнорусские княжества видели в литовских князьях союзников по борьбе с немецкими рыцарями и ордынскими завоевателями. А южнорусские земли, подчинившись Литве, просто спасались от тягот ордынского владычества, не желая выплачивать тяжелейшую дань. Впрочем, литовские князья все-таки платили дань Орде, получая от ордынских ханов ярлыки-пожалования на русские земли Великого княжества Литовского, причем выдача ярлыков происходила вплоть до образования Речи Посполитой в 1569 г., когда южные земли Великого княжества Литовского окажутся в составе Польского королевства².

¹ См. История России: В 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): Коллект. монограф. / Под ред. Н.А. Омельченко; отв. ред. С.В. Перевезенцев. М., 2018. С. 321–360.

² См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. № 4. С. 21; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1848. № 5. С. 4–5; *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30–52; *Шабульдо Ф.М.* К итогам изучения синеводской проблемы // История и современность. 2013. № 1. С. 80–83; *Оболенский М.А.* Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 года. Казань, 1850. С. 51;

В XIII–XIV вв. бо́льшая часть населения Литовского княжества состояла из русских православных людей. Русские князья играли серьезную роль в управлении Литовским государством. На Руси литовцев также не считали чужестранцами. Русские уезжали в Литву, литовцы — в русские княжества. Официальным языком княжества был русский язык в его западнорусском варианте. Традиционными были связи, в том числе семейные, между литовскими и русскими князьями. Наконец, литовские князья поначалу придерживались политики веротерпимости. Земли Литовского княжества в церковном отношении подчинялись духовной власти киевского митрополита. Поэтому православное население русских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского, могло свободно исповедовать свою веру. Отразилась эта ситуация и в официальном названии государства, которое к концу XIV в. стало именоваться Великим княжеством Литовским и Русским, а с 1430-х гг., после присоединения жемайтов — Великим княжеством Литовским, Русским и Жемайтйским.

Усилиями литовских князей Гедимина, Ольгерда, Ягайло и Витовта, к концу XIV — началу XV в. Великое княжество Литовское достигло наивысшей силы и могущества. Территория княжества к середине XV в. простиралась от Черного до Балтийского морей. Помимо новой столицы Вильно важными политическими и торговыми центрами были города Гродно, Киев, Полоцк, Пинск, Брянск, Берестье и др. (большинство из них ранее были столицами русских земель). Но уже в XIV в. Литва подчинила русские земли до Днепра, повела наступление на Смоленск и княжества по верховьям Оки (“верховские княжества”), а также на земли Пскова и Новгорода, и стала серьезным соперником Московского княжества в борьбе за главенство в русских землях.

Однако объединению всех русских земель под властью литовских князей помешали два важных обстоятельства. Во-первых, литовские князья долго не могли определиться с выбором религии. Многие из них долгое время оставались язычниками, некоторые приняли православие, другие стали католиками, а были и те, кто менял веру неоднократно. Но в годы правления князя Ягайло в 1385 г. на съезде польских и литовских представителей в замке Крево было принято соглашение о династическом союзе между Польским коро-

Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. Т. 3. Вып. 1–2. СПб., 1888. С. 6; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 323–324, 362; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 153.

левством и Великим княжеством Литовским, так называемая “Кревская уния”. Польско-литовская уния предусматривала брак великого князя Ягайло с юной наследницей польского престола королевой Ядвигой и провозглашение Ягайло королем обоих государств, в ведении которого находились все иностранные сношения и оборона. Ягайло принял католичество с именем Владислава и на люблинском сейме был избран польским королем под именем Владислава II Ягелло, оставаясь одновременно великим князем литовским. Государственной религией Великого княжества Литовского было объявлено католичество. Но внутреннее управление обоих государств оставалось раздельным: каждое из государств могло иметь своих должностных лиц, отдельные войска и особую казну.

И вновь уступка католической церкви и западным католическим властителям сыграло роковую роль в истории восточноевропейского государства. Прежде всего, приняв католичество в качестве государственной религии, Ягайло лишил своих потомков возможности подчинить себе все православные русские земли, включая северо-западные и северо-восточные: православные жители русского Северо-Запада и Северо-Востока не собирались идти под власть короля-католика. Больше того, религиозный конфликт разразился в самой Литве, начались протесты как самих литовцев-язычников, так и православных жителей русских областей. Остальное население осуждало попытки Ягайло ввести в Литве польские порядки и обычаи. Протесты против унии со стороны литовцев вынудили Ягайло в 1392 г. передать власть в Литве своему двоюродному брату Витовту, в 1401 г. ему же был передан титул великого князя Литовского. Ягайло сохранил за собой лишь формальный титул “верховного князя Литвы”. Именно при Витовте, осуществлявшего более взвешенную религиозную политику и, одновременно, стремившегося освободить русские области, входящие в состав Литвы, от церковного влияния московского митрополита, и добивавшегося учреждения отдельной Киевской митрополии, Великое княжество Литовское достигло своеобразного пика своего могущества. В 1429 г. Витовт готовился принять королевский титул, что означало превращение Великого княжества Литовского в самостоятельное королевство, но незадолго до проведения коронации в 1430 г. скончался. После его смерти в Литве началась междоусобная война за великокняжеский престол между новыми претендентами. С 1440 г. его занимали потомки Ягайло, одновременно они же являлись и королями Польши (династия Ягеллонов). И постепенно литовские земли подпадали под все большее польское влияние, в них вводи-

лись польские порядки, а Литва, все больше теряла признаки самостоятельного государства, пока в 1569 г. не стало частью единой Речи Посполитой.

Вторым обстоятельством, помешавшим Литве объединить под своей властью все русские земли, стал подъем в XIV–XV вв. северо-восточных русских княжеств, которые начали борьбу за создание независимого единого Русского православного государства, объединяя вокруг Москвы иные русские земли. Именно в XV столетии, особенно во второй его половине, набравшее мощь Великое княжество Московское, ведомое русскими православными князьями, вновь вышло на международную арену как самостоятельная политическая сила и предъявила свои права на все русские земли, когда-то входившие в состав независимой Русской земли. Эти претензии отразились в новом официальном титуле великого князя Московского Ивана III Васильевича, который он принял после 1485 г. — *“государь всея Руси”*. Современные специалисты отмечают, что именно в годы правления Ивана III доминантой внешней политики стала сформулированная в летописях и дипломатических документах доктрина “Киевского наследства” — идея преемственности Московской Руси от Киевской Руси через посредничество Владимиро-Суздальской Руси³.

А это означало, что Иван III поставил перед собой и своими потомками величайшую геополитическую задачу: восстановление государственного единства Русского мира, т.е., борьбу за окончательное воссоединение всех земель Древней Руси под властью московского государя, борьбу за выход на Балтику и борьбу с угрожавшими стране осколками Орды. Эти задачи оставались неизменными на протяжении нескольких столетий и были полностью решены только к концу XVIII в. Однако реализацию этих задач начал уже сам Иван III Васильевич: в 1487–1494 и 1500–1503 гг., в ходе двух войн с Великим княжеством Литовским десятки русских городов, включая Вязьму, Чернигов и Новгород-Северский, были присоединены к Русскому государству. Но претензии московского великого князя были гораздо более серьезными. В 1503 г. посланнику венгерского и чешского короля Владислава, пожелавшего выступить посредником в переговорах Москвы и Вильны, было жестко сказано: “Ино ведомо гораздо самим королем, Владиславу и Александру⁴, что они

³ См. История России: В 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): коллективная монография. С. 263.

⁴ Венгерский и чешский король Владислав II Ягеллон (1456–1516) и польский король и великий князь Литовский Александр Казимирович Ягеллон (1461–1506) были родными братьями, сыновьями польского короля и великого князя Литовского Казимира IV Ягеллончика (1427–1492).

вотчичи Полского королевства да Литовския земли от своих предков, а Русская земля от наших предков, из старины, наша отчина”⁵. По убеждению Ивана III Васильевича, те русские земли, которые находятся во владении литовского великого князя и польского короля Александра Казимировича, были “переуступлены” ему “по-свойски” (Александр был женат на Елене Ивановне, дочери Ивана III), однако польско-литовский правитель не соблюдает подписанные договоренности и поэтому московский великий князь, как “государь всея Руси”, имеет полное право вернуть свои “переуступленные” отчины: “А коли есмь имали докончанье с своим зятем, с великим князем Александром, и мы были тогда те свои отчины переступили, свойства деля; а коли нам зять наш князь велики Александр ни в чем не учал правити, и нам, уповая на Бога, о чем своя вотчина оставливати и за нее не стояти? И короли бы Владислав и Александр положили на своем разуме, гораздо ли то чинят, что за нашу ж отчину, а не за свою, хотят с нами валčiti? И коли короли похотят с нами за то валčiti, и мы, уповая на Бога, хотим за свою отчину стояти, как нам Бог поможет: у нас Бог помощник и наша правда”⁶. При этом в титуле Александра Казимировича указывалось лишь то, что он “король Польский и великий князь Литовский”, т.е. с русской стороны не признавалось его право именоваться “великим князем Русским”.

Дело отца продолжил и его наследник, великий князь Московский Василий III Иванович, не только сохранивший отцовские завоевания, но и возвративший в 1514 г. в свои владения Смоленск. Более того, в дипломатической переписке с польско-литовскими правителями и на переговорах с их послами и сам великий князь, и его бояре постоянно подчеркивали, что Василий III носит титул “государь всея Руси”, т.е. его отчиной является вся Русская земля. В частности, в 1517 г., во время очередных переговоров в Москве с поляками при посредничестве посла Священной Римской империи С. Герберштейна, послам польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда I было открыто заявлено: отчиной Василия III являются не только земли, вошедшие в состав Русского государства в ходе предшествующих русско-литовских войск, но все русские земли: “Которые города государя нашего отчина от прародителей его, Киев, Полтеск, Витебск и иные города государя нашего отчину Жигимонт король держит за собою неправдою, и он бы тех городов государю нашему поступился”⁷.

⁵ Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 73. С. 358.

⁶ Там же.

⁷ Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 85. С. 509.

Тогда же в письменных источниках впервые появляется новое наименование Руси — “*Росия*”, пришедшее из Византии. Подобное наименование сохранялось и в XVI веке. Например, царь Иван IV Васильевич называл свое государство “*Российским царством*”⁸. Подобным образом именовали Русскую державу и в начале XVII в. — “*Российское великое государство*”. Наряду с этим сохранялось и прежнее название — “*Русия*”, “*Руская земля*”. Написание слова “*Россия*” с двумя буквами “с” утверждается уже в XVII веке⁹.

Однако в Западной Европе собственно “*Русью*” продолжали считать те русские земли, которые находились в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства. Государство Ивана III оказалось для европейцев *terra incognita* и потому пугающим...

* * *

Впервые после длительного перерыва Русь вне пределов Великого княжества Литовского упоминается в дневниковых записях бургундского рыцаря Гильбера де Ланноа (1386–1462), известных под названием “*Путешествия и посольства*”. Истинный католик, неоднократно защищавший Христову веру в сражениях, Гильбер де Ланноа в 1413 г. приехал в Пруссию для участия в походе Тевтонского ордена на Великое княжество Литовское. Однако поход не состоялся и тогда он отправился в путешествие в русские земли, посетил Новгород Великий и Псков. Второй раз, уже в 1421 г., он в качестве посла герцога Бургундского, французского и английского королей, проезжал через западнорусские земли Галиции и Подолии. Бургундский рыцарь оказался внимательным наблюдателем, отметившим многие своеобразные черты духовной, политической и бытовой жизни русских жителей. В мемуарах Гильбера де Ланноа впервые в западноевропейских источниках встречается разделение русских земель на три части: *Великую Русь*, т.е. северо-западные и северо-восточные русские земли, подчиняющиеся великому князю Московскому (“Нет у них другого короля и господина, кроме короля Московского, государя Великой Руси, которого они, когда хотят, имеют [своим] господином, когда не хотят, не имеют”¹⁰), *Верхнюю и Нижнюю Русь*, т.е. западные, юго-западные и южные русские земли, оказавшиеся в составе Великого княжества Литовско-

⁸ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. М., 1981. С. 12.

⁹ См. об этом: Клосс Б.М. О происхождении названия “Россия”. М., 2012.

¹⁰ Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 78.

го. Так он описывает свое путешествие по бывшим юго-западным русским княжествам: “Оттуда я отправился в один город на Руси по названию Бельск к герцогине Мазовецкой, которая оказала мне честь и прислала мне разного рода жизненные припасы; и была она сестрой польского короля. Я пересек Нижнюю Русь и прибыл к герцогу Витовту, великому князю и королю Литвы, коего я нашел в Каменце на Руси... из Лемберга, проехав Верхнюю Русь, я приехал в Подолию в другой Каменец”¹¹. Примечательно, что Гильбер де Ланноа подчеркивает одну из важнейших черт, объединяющих русский народ всех трех видов Руси — православную веру: “Держатся они, а равно все другие русские на Руси, которая весьма велика, христианского закона по их вере, такой же, как у греков”¹².

Впервые в рассказах западноевропейца звучит нравственное и цивилизационное превосходство, причем одно он высказывает прямо, а другое остается лишь замечанием. В записях Гильбера де Ланноа сохранилось упоминание о странном обряде, как будто бы существующем в Новгороде Великом: “В их городе есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону, мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни”¹³. Однако описываемый Гильбером де Ланноа так называемый “их закон” неизвестен русским средневековым источникам, и очень сложно понять, что бургундский путешественник имеет в виду. Еще в XIX в. П.С. Савельев, первый публикатор воспоминаний Гильбера де Ланноа о посещении Новгорода на русском языке, эту запись назвал “сказкой”, основанием которой, «был, вероятно, обычай давать калым за жену, непонятый рыцарем; или же он принял в буквальном смысле выражения “купец и товар”, употребляемый в народе, когда говорится о женихе и невесте. Может быть, впрочем, что в Новгороде и существовал обычай — в известный день, на публичных сблищах, подмечать невест, сохранившийся доселе в некоторых местах России»¹⁴. Далее П.С. Савельев иронически комментирует удивительную черту западноевропейских наблюдателей всегда видеть в русских людях нечто “варварское”: “Современные нам европейские путешественники описывают же продажу невест, происходящую будто бы в Духов День здесь в Петербурге,

¹¹ Там же. С. 79.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Великая Русь рыцаря де Ланноа... С. 78.

¹⁴ Савельев П.С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа в 1412–1414 гг. // Географические известия, издаваемые от Императорского Русского географического общества. СПб., 1850. С. 31.

в нашем Летнем саду!”¹⁵. В самом деле, ведь и бургундский рыцарь сопровождает описание этого “закона” комментарием: “Мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни”¹⁶.

Второе замечание касается русского обычая бить челом, который де Ланноа трактует по-своему: “Прибыли два посольства, одно из Новгорода Великого, другое из королевства Пскова, которые, целуя землю, выложили перед его [Витовта] столом много чудесных подарков”¹⁷. Уверенные утверждения о низкопоклонстве русских людей перед литовскими властями, основанные на собственных представлениях без погружения в культуру и традиции, становятся общим местом для большинства иностранных авторов, которые писали о России.

Впрочем, воспоминания Гильбера де Ланноа, включая его описания Руси, остались неизвестными современникам, ведь впервые их опубликовали на французском языке только в 1840 г.¹⁸ Зато широкое распространение получила книга венецианского дипломата Амброджо Контарини (1429–1499) “Путешествие в Персию”, впервые опубликованная в 1487 г. на итальянском языке¹⁹ и затем выдержавшая множество переизданий на разных языках. Именно благодаря выходу этой книги жители Западной Европы впервые узнали о России, ее природе и ландшафтах, познакомились с некоторыми русскими обычаями, традициями, бытом и нравами как двора великого князя Московского Ивана III Васильевича, так и обычных русских людей. Традиционно для западноевропейского путешественника XV в. Амброджо Контарини использует по отношению к русским землям деление на Нижнюю и Верхнюю Русь/Россию: «На территории, которую Контарини определяет как “Нижнюю Россию” (Rossia Bassa), он указывает два населенных пункта — Луцк и Житомир, но в дальнейшем изложении исключает отсюда Киев.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy. 1399–1450. Mons, 1840.

¹⁹ Viaggio del clarissimo messer Ambrogio Contareno nella Persia, mandate pro ambasciatore dalla Illustrissima Signoria di Vinetia, allo illustre signore Usuncassan, re di Persia. Venetia, 1487. Первый перевод на русский язык был опубликован в 1836 г.: Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1475 г. // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.

^В данной статье используется следующее издание: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 210–247.

“Нижняя Россия” противопоставляется “Верхней России” (Rossia Alta), которая соответствует примерно северо-восточной Руси, Московскому государству. Когда Контарини специально рассказывает о Москве, он не употребляет названия “Rossia Alta”, а об Иване III говорит как о великом князе “Великой Белой России”, *il duca Zuane, signor della gran Rossia Bianca*»²⁰. Важный факт: Контарини нигде не называет Русское государство “Московией” (словом *Moscovia* Контарини именуется только *город* Москву), а использует слово “Россия”: “*Et quando piacque a Dio, intrammo nel paese della Rossia*” / “Наконец, когда это было угодно Богу, мы вступили на землю России”²¹.

В сочинении Контарини западноевропейские читатели впервые столкнулись с теми негативными характеристиками русского народа, которые в дальнейшем стали общераспространенными: “Вообще это народ грубый... Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих... Утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу”²². Фактически личная неприязнь Контарини (его не хотели выпускать из России, пока тот не рассчитается с долгами) породила три наиболее распространенных русофобских мифа — о грубости, пьянстве и лени. Таким образом, уже первая книга с описанием России, ставшая доступной западноевропейским читателям, сразу стала формировать в их сознании противоречивый, а то и отрицательный образ русских людей и Русской земли.

Со второй половины XV в. в московских землях появляется все больше западноевропейцев, по большей части итальянцев и немцев, которые оказываются здесь с дипломатическими поручениями или же нанимаются на русскую службу. К примеру, начиная с Аристотеля Фиораванти, возведшего Успенский собор в Московском Кремле, в России появляются итальянские архитекторы, во множестве получившие в русском толковании одно и то же прозвище “Фрязин”, т.е. искаженное “франк”, старорусское название выходцев из Южной Европы, в основном итальянцев. Возникают и различные сочинения о России. Но в начале XVI в. одной из самых популярных в Западной Европе книгой с рассказом о России стало сочинение автора, который в московских землях не бывал ни разу: “Трактат о двух Сарматиях”, написанный придворным врачом и астрологом

²⁰ Скржинская Е. Ч. Комментарий к тексту и переводу Контарини // Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 235.

²¹ Барбаро и Контарини о России. С. 201, 225.

²² Барбаро и Контарини о России. С. 228–229.

польского короля Сигизмунда I Старого, историком и географом Матвеем Меховским (1457–1523) и впервые опубликованный на латыни в 1517 г.²³ В этом трактате Матвей Меховский один из первых дает четкое географическое разделение русских земель на “Россию”, входящую в состав Великого княжества Литовского: “Ограничена Руссия — с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром; с востока — Танаисом и Меотидами с Таврическим островом; с севера — Литвой, с запада — Польшей”²⁴, и “Московию”, под которой понималось единое централизованное Русское государство, объединившееся под скипетром великих князей Московских. Меховский признавал, что “Московию” и “Россию” населяет один и тот же народ с одним языком и одной верой: “У Сарматских гор живет народ русский... вера русская, следующая греческому обряду, более распространена и охватывает всю Руссию”; “В Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев живут все русские, говорят по-русски или по-славянски, держатся греческого обряда и подчиняются патриарху константинопольскому”; В Московии — одна речь и один язык, именно русский или славянский... Они придерживаются одной веры и религии по образцу греческой”²⁵.

Но в данном случае Меховский движется в русле уже сугубо польско-литовских интересов, связанных с символическим отделением “Московии” от “России” для того, чтобы пресечь попытки Великого княжества Московского объединить все русские земли от Львова до Чернигова и от Полоцка до Киева под своей властью. Иначе говоря, это был ответ польских и литовских властей на претензии московских князей на владение всеми русскими землями: некая никому не известная “Московия” не имеет никаких прав владеть “Россией”. Этот тезис активно распространялся польско-литовской пропагандой, и с рубежа XV–XVI вв. во многом под польско-литовским влиянием в европейском лексиконе и общественном сознании понятия “Московия” и “Россия” разделились.

По той же причине польские власти никак не хотели признавать принятого в 1547 г. русскими государями царского, т.е. императорского титула. Стоит напомнить, что в Средние века титул — это не

²³ Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Cracoviae, 1517. На русском языке в полном объеме опубликован в 1936 г.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., изд. подлинника, перевод, коммент. С.А. Аннинского. М.; Л.: 1936.

²⁴ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 95.

²⁵ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 95–96, 109, 116.

просто почетное прозвание дворянина или государя, но понятие, которое определяет место человека в обществе, свидетельствует о его владельческих правах. Титулы государей определяют их статус в международных отношениях, обозначают границы территорий, которыми этот государь владеет, наконец, являются “главной формой декларации претензий государства на определенное место в мире”²⁶. Поэтому принижение титула означало оскорбление государя, которому этот титул принадлежал, превышение титула — оскорбление соседних государей, данный титул не признающих.

Польско-литовские правители уже с конца XV в. отказывались именовать московских великих князей “государями всея Руси”, подчеркивая, что это именно они владеют Русью, т.е. западными, юго-западными и южными русскими землями, “князь московский” же не имеет права называть себя “русским” правителем, а свое государство Русью. Так, современник русского царя Ивана IV Васильевича польский король Сигизмунд II Август (1520–1572) даже во время мирных переговоров в ходе Ливонской войны упорно запрещал своим послам именовать Ивана IV “царем”, но только “великим государем и князем”, что в итоге приводило к срыву переговоров, потому что русская дипломатия и сам Иван Васильевич воспринимали подобную титулатуру как оскорбление русского царя и Русского царства²⁷.

В результате столь больших усилий по распространению “антимосковских”, фактически антирусских настроений, Польша уже в первой половине XVI в. превратилась в один из главных антирусских центров в Европе.

Одновременно в Западной Европе, прежде всего в Священной Римской империи созревает совершенно иной план — план вовлечения “Московии” в союзные отношения. В Москву зачастили послы, русские послы принимаются в европейских странах. В 1514 г. в Москве побывал имперский посол Георг Шнитценпаумер с целью заключения антипольского союза между Великим княжеством Московским и Священной Римской империей. Власти империи были настолько заинтересованы в этом союзе, что в грамоте, который привез великому князю Московскому Василию III имперский посол, московский государь, возможно в пику польским протестам,

²⁶ Филлюшкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 51.

²⁷ См.: Инструкция польского короля Сигизмунда II Августа королевскому секретарю Антонию Шеме, отправленному послом в Данию / Фатальна и губительна Откровения врагов Московии / Перевод И. И. Полосина. Публикация А.И. Филлюшкина // Родина. № 12. 2004. С. 51–52.

был уже титулован как “Kayzer und Herscher alter Reussen”, т.е. “Император и Государь всея России”²⁸. Кроме того, в договоре, заключенном в том же 1514 г., Василий III был назван “Божиею милостию цесарь”²⁹. А ведь Василий Иванович официально даже не носил титула “царя”.

“Императором” Василий Иванович был назван и в первом издании знаменитых “Записок о Московии” не менее знаменитого Сигизмунда Герберштейна (1486–1566)³⁰. Герберштейн побывал в России дважды: в 1517 г. как посол императора Максимилиана и в 1526 г. как посол австрийского эрцгерцога Фердинанда. В обоих случаях Герберштейн выступал посредником на русско-литовских переговорах, но помимо этого его задачей было склонить московского государя к антитурецкому союзу. Именно поэтому имперские власти вновь стремились польстить Василию III. Однако и в 1517 г., и в 1526 г. Василий Иванович категорически отказался от имперского предложения.

Но в первом издании книги Герберштейна, как уже говорилось, титулование русского великого князя “императором” осталось. И это в Западной Европе восприняли крайне негативно, в первую

²⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 3. №4. Л. 1

²⁹ См.: Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594. СПб., 1851. Стб. 1503–1508.

³⁰ *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii*. 1549. Наиболее полное латинское издание — третье, вышедшее в 1556 г.: *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii*. Basiliae, 1556. В 1550 г. появился итальянский перевод “Записок”. В 1557 г., в Вене вышел в свет авторизованный перевод “Записок” на немецкий язык: *Herberstein S. Moscovia der Hauptstat in Reissen*. Wien, 1557. Первый перевод на русский язык был выполнен в 1748 г. К. Кондратовичем, но остался неопубликованным. Только в 1832 г. в журнале “Воспоминания на 1832 год” появился русский перевод “Записок”, сделанный Федором Фавицким: Московские записки Сигизмунда барона Герберштейна, Нейперга и Гиттенгага // *Руссов С.В. Замечания на книгу под названием “Московские записки” барона Герберштейна // Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. [В.] Руссовым*. СПб., 1832. Кн. II. С. 19–47; Кн. III. С. 32–51; Кн. IV. С. 3–18; Кн. V. С. 3–15; Кн. VI. С. 3–36; Кн. VII. С. 33–63; Кн. VIII. С. 3–32; Кн. IX. С. 3–64; Кн. X. С. 3–87; Кн. XI. С. 3–88; Кн. XII. С. 3–67. Наиболее точным и единственным комментированным дореволюционным изданием книги Герберштейна на русском языке стал перевод А.И. Малеина, вышедший в 1908 г.: *Записки о московитских делах, составленные Сигизмундом, вольным бароном в Герберштейне, Нейперге и Гюттенгаге // Герберштейн С. Записки о московитских делах*. Павел Иовий. Новокомский. Книга о московитском посольстве / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. СПб., 1908. В 1988 г. перевод Малеина, исправленный и значительно расширенный А. В. Назаренко, был выпущен в издательстве МГУ: *Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко*. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988. В 2008 г. это издание было повторено: *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии: В 2 т. / Редкол.: А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др. М., 2008*.

очередь потому, что в 1547 г. Иван IV уже принял царский титул, и из красивой фразы в одном-двух документах титулование русского государя “царем=императором” стало политическим фактом, к которому европейские страны должны были теперь выразить свое официальное отношение. Поэтому уже начиная со второго латинского издания “Записок” 1551 г. и во всех последующих изданиях своей книги на разных языках Герберштейн, пытаясь оправдаться перед общественным мнением Центральной Европы в преувеличении титула Василия III и чтобы снять с себя часть вины за применение этого титула в издании 1549 г., исправил все фрагменты книги, связанные с титулом русского государя. Более того, сделал большую вставку с разъяснением, почему русского государя нельзя титуловать “императором”. Кстати говоря, особенно резко именование русского правителя “императором” в первом издании книги Герберштейна восприняли, естественно, в Польше и Великом княжестве Литовском, что отразилось и на самом авторе книги — в 1552 г. польский сейм, на который Герберштейн прибыл в качестве посла, встретил его крайне недружелюбно.

Под влиянием поляков Герберштейн внес в свой первоначальный текст и другие важные исправления, в частности, как отмечают специалисты, «если в первых разделах автор правильно именуется описанную им страну “Руссией” и вопреки польско-литовской концепции настаивает на единстве Руси вне зависимости от политической принадлежности ее частей в XVI в., то в более поздних дополнениях, равно как и в заголовке, он принимает термин, восходящий к польской традиции — *Московия*»³¹.

Впрочем, в своих “Записках о Московии” Сигизмунд Герберштейн показал себя очень внимательным наблюдателем за русской жизнью, неслучайно его “Записки” до сих пор считаются одним из важнейших источников по русской истории XVI столетия. Книга С. Герберштейна оказала огромное влияние на становление и развитие взглядов на Россию. западноевропейских правителей, историков, публицистов, политиков и т. д. Многие фрагменты “Записок о Московии” и современные Герберштейну, и более поздние авторы вставляли в собственные сочинения о России, иногда с указанием источника, а в большинстве случаев без всяких ссылок.

Однако нельзя утверждать, что Герберштейн в полной мере понял и принял все особенности русской жизни. Так, одним из самых

³¹ *Хорошкевич А.Л.* Сигизмунд Герберштейн и его “Записки о Московии” // *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988. С. 45.

ярких примеров стереотипного восприятия России, возникшего под влиянием С. Герберштейна, стало его утверждение о “рабской природе” русского народа. Говоря об отношении русских подданных к своему государю, Герберштейн прямо написал: “Все они называют себя *chlōri*, т.е. рабами государя”³². И затем это утверждение превратилось в “общее место”, переходя из одного сочинения о России в другое. В самом деле, отечественные исследователи отмечают, что именование себя “холопами” и “рабами” при обращении к государю вошло в практику в конце XV в., в годы правления великого князя Московского и всея Руси Ивана III Васильевича: так именовали себя послы в Крым по отношению к Ивану III, а внутри страны эта форма обращения зафиксирована в начале XVI в.³³ Но ни Герберштейн и никто из последующих авторов не поняли, что подобное отношение российских подданных к своему государю определялось не “рабской натурой”, а стремлением православных жителей России в полной мере соответствовать библейским установлениям, согласно которым царь, дарованный людям Господом Богом, владеет всем в своем царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единственным судьей; жители царства — рабы царя (1 Цар. 8:10–17), но при этом царь — защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (1 Цар. 9:15) и хранитель истинной веры (3 Цар. 11:38). Интересно, что в 1575–1576 гг., когда Иван IV Васильевич посадил на московский престол касимовского царевича Симеона Бекбулатовича с титулом великого князя всея Руси, то сам царь, назвавшись князем Московским и выехав из Кремля, писал Симеону верноподаннические челобитные с соответствующими обращениями: “Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси, Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом, челом бьет”. Герберштейн же, находясь в плену своих представлений о “рабской природе” русского человека, даже забаву русских молодых людей — кулачные бои “стенка на стенку” по праздникам, — посчитал “родом состязаний” установленным для того, “чтобы юноши привыкали переносить побои и терпеть какие угодно удары”³⁴. В результате авторитет Герберштейна заметно повлиял на то, что большое число фактов, оценок, суждений и предположений, в том числе скороспелых и откровенно ошибочных,

³² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т.1. С. 239.

³³ См.: Лурье Я.С. Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 10.

³⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 253.

высказанных в “Записках”, в скором времени стали основой устойчивого комплекса стереотипов о России, существующего в общественном сознании “коллективного Запада” на протяжении последних пятисот с лишним лет.

На фоне постоянных попыток включить Великое княжество Московское в сферу европейских интересов свой план выдвинул и римский престол, авторитет которого заметно пошатнулся в связи с охватившей всю Европу Реформацией. Смысл этого плана сводился к обращению “москвитов” в католическую веру. Предполагалось, что, приняв католичество и выступив вместе с иными католическими государями против Османской империи, “Московия” получит право быть включенной в “семью цивилизованных народов”. В частности, именно в этом нидерландский писатель Альберто Кампензе (1490–1542) уверял папу римского Климента VII в своем “Письме о делах Московии”, составленном в 1523 или 1524 г.³⁵ Дополнительным аргументом в пользу обращения “москвитов”, которых он уже не считал “русскими”, в “истинную” католическую веру, по убеждению Кампензе, является то, что “нынешний Великий Князь Василий не только не отвергает соединения церквей, но всеми мерами ищет оно”³⁶. В этом случае Кампензе сознательно искажал факты, так как Василий III категорически отвергал любые попытки римских послов обратить Россию в католичество и вел переговоры только о политическом союзе. Интересно, что, как и многие иные европейские авторы, предлагавшие различные “цивилизаторские” проекты в отношении “Московии”, сам Альберто Кампензе в России не бывал, но основывался на рассказах отца, брата и других торговавших с Россией купцов и на некоторых письменных источниках.

Совершенно иначе в середине XVI в. относились к России и русским английские путешественники, побывавшие в русских землях и составившие об этом свои путевые заметки: Х. Уиллоуби, К. Адамс, Т. Соутэм, Дж. Спарк, Р. Ченслер и др.³⁷ Прежде всего,

³⁵ Первая публикация состоялась в 1543 г.: *Lettera d'Alberto Campense. Venezia, 1543*. На русском языке опубликована в 1836 г.: Письмо Альберта Кампензе к Папе Клименту VII о делах Московии / Перевод В.И. Семенова // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Рзд. III. СПб., 1836.

³⁶ Письмо Альберта Кампензе к Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Рзд. III. СПб., 1836. С. 37.

³⁷ Впервые опубликованы в: *The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation: made by sea or ouer-land to the remote and farthest distant quarters of the earth, at any time within the compasse of these 1600 years. Vol. 1–3. L., 1598–1600*. На русском языке впервые была частично опубликована в 1814 г., а в полном объеме в 1937 г.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937*.

англичане воспринимали новые для них российские земли с практической точки зрения — насколько возможны и выгодны могут быть торговые отношения с Россией. Кроме того, английские купцы и мореплаватели рассматривали Россию как объект возможного колониального подчинения, не случайно в их дневниках и воспоминаниях столь подробно описываются различные пути проникновения вглубь российских просторов. Наконец, не стоит забывать и тот факт, что в середине XVI в. Англия, только что осуществившая церковную реформу и утвердившая англиканскую форму христианской религии, оказалась в Европе в таком положении религиозно-политического изгоя, как и Россия, остававшаяся верной православия. Итогом всех этих трех факторов стало возникновение тесных торговых и политических связей России и Англии. Так, уже в 1551 г. была основана английская торговая Московская компания (*англ.* Muscovy Company), просуществовавшая до 1698 г., обладавшая монополией на оптовую торговлю с Россией, имевшая патент от английской короны и льготные грамоты от русских государей, причем первую такую грамоту выдал царь Иван IV Васильевич в 1555 г. В отличие от представителей других стран, англичане совершенно спокойно восприняли принятие русскими государями титула “царь”, именовали русских государей “императорами” в своих сочинениях, более того именно Англия, в 1555 г. первой официально признала право русский правителей на обладание царским титулом³⁸. Наконец, англичане, как и многие иностранные наблюдатели, удивлявшиеся и не понимавшие многих русских обычаев и традиций, до поры до времени не акцентировали внимание на этих русских “странностях”, а просто фиксировали их.

Впрочем, говоря о постепенном формировании в сознании европейцев отрицательных стереотипных представления о России в первой половине XVI в., не стоит забывать об одном очень важном факторе формирования этих стереотипов — о принципиальной закрытости самой России от Европы. Главная причина “закрытости” России от других европейских стран заключалась в жестком религиозном противостоянии католической и протестантской Европы и православной России. Стоит напомнить, что в XVI–XVII вв. вся христианская Европа жила в ожидании близкого “конца света”, что стало причиной жесточайших религиозных войн в самой Западной Европе. В таком же ожидании “скончания мира” пребывала и Россия. При этом российские власти, как, впрочем, и все православные

³⁸ Ченслор Р. Книга о великом и могущественном царе России // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 47.

российские жители, были уверены в том, что католическая и тем более протестантская Европа уже духовно “погибла”, а, значит, нельзя допускать эту “погибель” в пределы Российского государства. Именно поэтому русским подданным было запрещено покидать пределы страны, а иностранцам въезжать в Россию без особого разрешения. Русским запрещалось поддерживать с иностранцами какие-то близкие отношения, вести с ними разговоры на религиозные темы: “А приказал государь изговорити так: “Велел тебе, папежю римскому, свое государево здоровье сказати, а о твоём спросити. А будет станут говорити о вере и ему сказатися, что грамоте не умеет, ратной человек, да взяв лук стреляти”. Так и учинил перед папою: убил под колпану трожды”³⁹. Иностранцы же, приезжавшие в России, оказывались под бдительным надзором и до особых распоряжений царя не имели право даже выходить за пределы того двора, в котором их поселили.

Но если “закрытая” Россия не собиралась осуществлять духовную экспансию на Запад, то жители западноевропейских стран, также воспринимая население России как “схизматиков” и “нехристей”, наоборот, всячески стремились “просветить” их светом “истинной верой”, даже если для этого потребуется использовать военную силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. № 4.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1848. № 5.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937.

Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.

Беспалов Р.А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30–52.

Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 76–70.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Редкол.: А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др. М., 2008.

³⁹ Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 229.

Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Записки о московитских делах, составленные Сигизмундом, вольным бароном в Герберштейне, Нейперге и Гюттенгаге // Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий. Новокомский. Книга о московитском посольстве / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. СПб., 1908.

Инструкция польского короля Сигизмунда II Августа королевскому секретарю Антонию Шеме, отправленному послом в Данию / Фатальна и губительна. Откровения врагов Московии / Перевод И.И. Полосина. Публикация А.И. Филюшкина // Родина. 2004. № 12. С. 50–52.

История России: В 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): коллективная монография / Под ред. Н.А. Омельченко; отв. ред. С.В. Перевезенцев. М., 2018.

Клосс Б.М. О происхождении названия “Россия”. М., 2012.

Лурье Я.С. Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 7–11.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., изд. подлинника, перевод, коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936.

Московские записки Сигизмунда барона Герберштейна, Нейперга и Гиттенгага // Руссов С.В. Замечания на книгу под названием “Московские записки” барона Герберштейна // Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. [В.] Руссовым. СПб., 1832. Кн. II. С. 19–47; Кн. III. С. 32–51; Кн. IV. С. 3–18; Кн. V. С. 3–15; Кн. VI. С. 3–36; Кн. VII. С. 33–63; Кн. VIII. С. 3–32; Кн. IX. С. 3–64; Кн. X. С. 3–87; Кн. XI. С. 3–88; Кн. XII. С. 3–67.

Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 221–237.

Оболенский М.А. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 года. Казань, 1850.

Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594. СПб., 1851.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. М., 1981. С. 12.

Письмо Альберта Кампензе к Папе Клименту VII о делах Московии / Перевод В.И. Семенова // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Рзд. III. СПб., 1836.

Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1475 г. // Библиотека иностранных писателей о России / Изд. В. Семеновым, М. Калистратовым. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1836.

Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. Т. 3. Вып. 1–2. СПб., 1888.

РГАДА. Ф. 32. Оп. 3. №4. Л. 1.

Савельев П.С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа в 1412–1414 гг. // Географические известия, выдаваемые от Императорского Русского географического общества. СПб. 1850.

Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 73.

Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010.

Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его “Записки о Московии” // Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988.

Шабульдо Ф.М. К итогам изучения синеводской проблемы // История и современность. 2013. № 1. С. 69–89.

REFERENCES

Akty, odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskiju komissieju [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission]. T. 1. SPb., 1846. N 4 (in Russian).

Akty, odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskiju komissieju [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission]. T. 2. SPb., 1848. N 5 (in Russian).

Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v. [English travelers in the Moscow state in the XVI century] М., 1937 (in Russian).

Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii italo-russkih svjazej v XV v. [Barbaro and Contarini about Russia: On the history of Italian-Russian relations in the XV century] / Vstup. Stat'i, podgot. teksta, per. i komment. E.Ch. Skrzhinskoj. L., 1971 (in Russian).

Bespalov R.A. Litovsko-ordynskie otnoshenija 1419–1429 godov i pervaja popytka obrazovanija Krymskogo hanstva [Lithuanian-Horde relations of 1419–1429 and the first attempt to form the Crimean Khanate] // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Vyp. 5. Sevastopol'; Tjumen', 2013. S. 30–52 (in Russian).

Filjushkin A.I. Vasilij III [Vasily III]. М., 2010 (in Russian).

Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy] / Per. s nem. A.I. Maleina, A.V. Nazarenko. Vst. st. A.L. Horoshkevich. Pod red. V.L. Janina. М., 1988 (in Russian).

Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]: v 2 t. / Redkol.: A.L. Horoshkevich (otv. red.) i dr. М., 2008 (in Russian).

Gorskij A.A. Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. М., 2000 (in Russian).

Grekov B.D., Jakubovskij A.Ju. Zolotaja Orda i ee padenie [The Golden Horde and its Fall]. М.; Л., 1950 (in Russian).

Herberstein S. Moscovia der Hauptstat in Reissen. Wien, 1557 (in Russian).

Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. 1549 (in Russian).

Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basiliae, 1556 (in Russian).

Horoshkevich A.L. Sigizmund Gerbershtejn i ego “Zapiski o Moskovii” [Sigismund Herberstein and his “Notes on Muscovy”] // Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii / Per. s nem. A.I. Maleina, A.V. Nazarenko. Vst. st. A.L. Horoshkevich. Pod red. V.L. Janina. М., 1988 (in Russian).

Instrukcija pol'skogo korolja Sigizmunda II Avgusta korolevskomu sekretarju Antoniju Sheme, otpravlennomu poslom v Daniju [The instruction of the Polish King Sigismund II Augustus to the royal Secretary Anthony Schemm, sent by the ambassador to Denmark] / Fatal'na i gubitel'na. Otkrovenija vragov Moskovii / Perevod I.I. Polosina. Publikacija A.I. Filjushkina // Rodina. 2004. N 12. S. 50–52 (in Russian).

Istorija Rossii: V 4 t. T. 1. Genezis i jevoljucija russskoj gosudarstvennosti (do konca XVII veka): kollektivnaja monografija [The History of Russia: in 4 volumes Vol. 1. The genesis and evolution of Russian statehood (until the end of the 17th century): collective monograph] / Pod red. N.A. Omel'chenko; otv. red. S.V. Perevezencev. M., 2018 (in Russian).

Kloss B.M. O proishozhdenii nazvanija "Rossija" [On the origin of the name "Russia"]. M., 2012 (in Russian).

Lettera d'Alberto Campense. Venezia, 1543 (in Russian).

Lur'e Ja.S. Rasskaz o bojarine I. D. Vsevolozhskom v Medovarcevskom letopisce [The story of the boyar I.D. Vsevolozhsky in the Medovartsevsky chronicle] // Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Ezhegodnik. 1977. M., 1977. S. 7–11 (in Russian).

Matvej Mehovskij. Traktat o dvuh Sarmatijah [A treatise on the two Sarmatias] / Vved., izd. podlinnika, perevod, komment. S.A. Anninskogo. M.; L., 1936 (in Russian).

Moskovskie zapiski Sigismunda barona Gerbershtejna, Nejperga i Gittengaga [Moscow notes of Sigismund Baron Herberstein, Neyperg and Gittengag] // Russov S.V. Zamechanija na knigu pod nazvanijem "Moskovskie zapiski" barona Gerbershtejna // Vospominanija na 1832 god, izdavaemye S. [V.] Russovym. SPb., 1832. Kn. II. S. 19–47; Kn. III. S. 32–51; Kn. IV. S. 3–18; Kn. V. S. 3–15, Kn. VI. S. 3–36, Kn. VII. S. 33–63; Kn. VIII. S. 3–32; Kn. IX. S. 3–64; Kn. H. 3–87; Kn. XI. S. 3–88; Kn. XII. S. 3–67 (in Russian).

Moskovskij letopisec [The Moscow Chronicler] // Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 34. M., 1978. S. 221–237 (in Russian).

Obolenskij M.A. Jarlyk hana Zolotoj Ordy Tohtamysha k pol'skomu korolju Jagajlu 1392–1393 goda [The label of Khan of the Golden Horde Tokhtamysh to the Polish King Jagail 1392–1393]. Kazan', 1850 (in Russian).

Pamjatniki diplomaticheskikh snoshenij c imperiej Rimskoju [Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire]. T. I. 1488–1594. SPb., 1851 (in Russian).

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Ivan the Terrible's correspondence with Andrei Kurbsky] / Podg. teksta Ja.S. Lur'e, Ju.D. Rykova. M., 1981. S. 12 (in Russian).

Pis'mo Al'berta Kampenze k Pape Klimentu VII o delah Moskovii [Albert Kampens' letter to Pope Clement VII on the affairs of Muscovy] / Perevod V.I. Cemenova // Biblioteka inostrannyh pisatelej o Rossii. T. 1. Rzd. III. SPb., 1836 (in Russian).

Puteshestvie Amvrosija Kontarini, posla svetlejshej Venecianskoj respubliky k znamenitomu persidskomu gosudarju Uzun-Gasanu, sovershennoe v 1475 g. [The journey of Ambrose Contarini, Ambassador of the Most Serene Republic of Venice to the famous Persian emperor Uzun Hasan, made in 1475] // Biblioteka inostrannyh pisatelej o Rossii / Izd. V. Semenovym, M. Kalistratovym. Otd. 1. T. 1. SPb., 1836 (in Russian).

Radlov V.V. Jarlyki Tohtamysha i Temir-Kutluga [Labels of Tokhtamysh and Temir-Kutlug] // Zapiski Vostochnogo otdelenija Imperatorskogo Rossijskogo arheologicheskogo obshhestva. T. 3. Vyp. 1–2. SPb., 1888 (in Russian).

RSAAA. F. 32. Op. 3. N 4. L. 1 (in Russian).

Savel'ev P.S. Oчерк puteshestvija v pribaltijskie strany, Velikij Novgorod i Pskov, sovershennogo rycarem Gil'bertom de-Lannoa v 1412–1414 gg. [An essay

on a journey to the Baltic countries, Veliky Novgorod and Pskov, made by the knight Gilbert de Lannoa in 1412–1414] // *Geograficheskie izvestija, vydavaemye ot Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. SPb. 1850 (in Russian).

Sbornik RIO [Collection of RHS]. T. 35. SPb., 1882. N 73 (in Russian).

Shabul'do F.M. K itogam izuchenija sinevodskoj problem [On the results of the study of the Sinye Vody problem] // *Istorija i sovremennost'*. 2013. N 1. S. 69–89 (in Russian).

The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation: made by sea or ouer-land to the remote and farthest distant quarters of the earth, at any time within the compasse of these 1600 years. Vol. 1–3. L., 1598–1600.

Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Cracoviae, 1517 (in Russian).

Velikaja Rus' rycarja de Lannoa. Pervoe Zapadnoe opisanie Rusi [The Great Russia of the Knight de Lannoy. The first Western description of Russia] // *Rodina*. 2003. N 12. S. 76–70 (in Russian).

Viaggio del clarissimo messer Ambrogio Contareno nella Persia, mandate pro ambasciatore dalla Illustrissima Signoria di Vinetia, allo illustre signore Usuncassan, re di Persia. Venetia, 1487 (in Russian).

Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy. 1399–1450. Mons, 1840 (in Russian).

Zapiski o moskovitskih delah, sostavlennye Sigizmundom, vol'nym baronom v Gerbershtejne, Nejperge i Gjuttengage [Notes on Muscovite affairs, compiled by Sigismund, the free baron in Herberstein, Neuperg and Guttengag] // *Gerbershtejn S. Zapiski o moskovitskih delah. Pavel Iovij. Novokomskij. Kniga o moskovitskom posol'stve / Vved., per. i prim. A.I. Maleina*. SPb., 1908 (in Russian).